

Ален Дюгран, Анн Вaley

САДЫ АЛАМЕДЫ

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д95

Alain Dugrand et Anne Vallaeys
LES JARDINS DE L'ALAMEDA

Перевод с французского *Елены Головиной*
Дизайн обложки *Андрея Саукова*

Дюгран А., Валей А.

Д95 Сады Аламеды : роман / Ален Дюгран, Анн Валей; [пер. с фр. Е. Головиной]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 528 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-29279-6

Мексика, начало XIX века. Сотни французских торговцев — авантюрных искателей приключений — пересекают Атлантический океан и высаживаются в порту этой загадочной североамериканской страны. Они мечтают разбогатеть и создать здесь огромную торговую державу.

Среди этих отважных людей — уроженец долины Барселоннет Пьер Арно. Покидая Францию, он не испытывает ничего, кроме жгучей ненависти к себе и своим поступкам. В Мексике же он собирается создать себя заново, чтобы никто не догадался, какой груз лежит у него на душе. Но любовь к замужней женщине перечеркивает его планы, заставляя сделать непростой выбор.

А между тем в Мексике в конвульсиях рождается нация: креолы и индейцы пытаются свергнуть колониальную власть испанцев. И от исхода этого противостояния зависит будущее Пьера Арно и других таких же французов, рискнувших всем ради лучшей доли.

Государственные перевороты, любовные интриги, разрушенные судьбы — все это в увлекательной исторической саге, которая охватывает весь XIX век.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-29279-6

«LES BARCELONNETTES» – VOLUME 1 :
«LES JARDINS DE L'ALAMEDA»
BY ALAIN DUGRAND ET ANNE VALLAEYS
© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2003
© Головина Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Таков человеческий удел: живешь ты у нас в горах, или у себя на равнине, или, словно тигр, на собственной горе, где твой покой подобен буре, где никакие твои достижения ничего не стоят и где все всегда надо начинать заново.

Жан Жионо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Утренняя свежесть пробирала до костей не только стариков, но и мужчин помоложе. Женщины, сидевшие в повозках, тесно жались друг к другу; мулы, ослы и тощие лошади медленно тащились вперед, оставляя в глинистой почве следы копыт. Под холодным ветром все вокруг покрывалось тонкой и мутной пленкой влаги. Стоял ноябрь — время сбора винограда; вдали вырисовывалась серая громада Рошкурба; небо, темно-лиловое, на востоке начинало светлеть; тишину нарушал только скрип колес — телеги катились по булыжной дороге к Колле. На виноградных лозах блестели капли ледяной росы: обожженные солнцем листья и серовато-зеленые кисти клерета высохнут только к полудню. Все утро черные пальцы сборщиц будет ломить от холода. Нет ничего хуже обжигающего прикосновения к покрытым небесной влагой плодам.

Продрогшая процессия двигалась в тишине — ни смешков, ни разговоров, разве что время от времени слышался крик возницы, с силой дергающего за узду буланого арденского тяжеловоза, который шлепал по раскисшей от грязи дороге, таща за собой открытую

телегу, где, прижавшись друг к другу, сидели промерзшие женщины и стояли пустые ящики, липкие от застывшего виноградного сока.

Ниже бесшумно змеился по своему галечному руслу Дром, бурый от недавних дождей, пробивая себе путь сквозь заросли камыша, бузины, карликовых тополеЙ, кустарника и длинных лиан — таких длинных, что они чахли и увядали на концах, слишком далеких от корней.

Небо над кладбищем прорезал первый луч солнца, осветив верхушки сосен в лесу Бане. Внизу, по сторонам от рядов виноградных лоз, раздавался скрип тормозящих повозок. Резко остановленные мулы били копытами, едва не сбрасывая разболтавшиеся хомуты. Бригадиры уже выгружали ведра и заплечные корзины и раздавали сборщицам ножницы. Сбившись в стайки, как только что в повозках, женщины повязывали на голову теплые платки, пропуская концы через рукава плащей и рабочих халатов. Носильщики, пользуясь привилегией своего положения, — вскоре им предстояло устать больше других, — делили хлеб, резали свиную колбасу и с сухим треском ломали круги козьего сыра.

— Пора, ребяташки! За работу!

Пожалуй, только дроздам было бы под силу передать начавшуюся суматоху. Птиц наверняка напугало, как скоро в сотнях рядов образовались проходы и затрепетали под секаторами женщин, срезающих виноградные кисти, листья. В конце каждого ряда самые сильные парни наполняли корзины; те, что помоложе, сгибались под тяжестью водруженных на плечи ведер. Возле ручных тележек старики с натужным

оханьем грузили на повозки увесистые ящики собранных плодов.

Рассвело. Сборщики медленно согревались под ярким солнцем.

Мамаша Перменжа сидела у очага и чистила каштаны, сдирая с них утыканную острыми иглами оболочку. В коммуне Сайан каштаны — редкость. Фундук и миндаль встречаются здесь много чаще, чем ардешские каштаны, но ко Дню всех святых Семпл, конюх, приволок хозяйке два мешка каштанов, собранных в ущелье коммуны Шастель-Арно. Мелкие, они варились в чугунке, прикрытые тряпкой.

В то утро хозяйка не напевала. Она глаз не сводила с двух сидящих за столом бродячих торговцев. Ножами они отхватывали от каравая большие куски хлеба и отправляли в рот. Их пустили на ночлег накануне вечером, и хозяйка едва не подпрыгнула на месте, когда они вошли. Их тяжелые шаги еще отдавались у нее в ушах — ей показалось, что к ней заявились два донельзя изможденных великана. Они были в широкополых остроконечных фетровых шляпах, сдвинутых на затылок и сверху прикрытых шерстяными шапками, из-под которых на плечи спускались густые длинные волосы — иссиня-черные у одного, с проседью у другого. Внимание женщины особенно привлекли рукава их одеяний: запястья обхватывали широкие обшлага, расшитые позолоченными пуговицами — крупными пуговицами с выбитыми на них фигурами кабанов, каменных баранов и даже волков; хорошенько натертые замшей, они ярко сверкали. Из-под распахнутых на груди курток длиной до

колена виднелись жилеты из какой-то белой ткани, а ниже — серые полотняные рубахи. Костюмы дополняли суконные штаны цвета грязного мела и длинные шерстяные чулки, перехваченные у бедра красными и зелеными подвязками.

Самый старший, не выпуская из рук тяжелого тюка, обтянутого кожаными ремнями, вежливо представился, и старухе понравился его усталый серьезный голос. Он назвался Жозефом Арно; его спутником был его старший сын по имени Пьер. Три дня назад они покинули Валею — высокогорную долину в коммуне Барселоннет, это дьявольское ущелье, которое на востоке упирается в узкий проход в коммуне Ларш, а потом карабкается к Пьемонту. Мамаша Перменжа не ошиблась: последний деревенский дурачок распознал бы торговца нитками, наперстками и снадобьем для лечения скота — типичного гавота¹. Жительница равнины, она плохо представляла себе, на что похожа Барселоннет, но, с легкой опаской наблюдая за двумя мужчинами, легко могла вообразить обледелую землю, бурные горные реки и крутые склоны, обычные для тех мест, откуда прибыли ее гости. «Эта парочка — крепкие орешки», — думала она, разглядывая их. Навскидку отец был старше сына лет на двадцать пять; молодому красавчику она дала бы девятнадцать.

Мужчины спросили постель, кукурузного супа и ravioli. Хозяйка, в свою очередь, обратилась с просьбой к старшему: ей бы не помешала пара-тройка катушек черного шелка, коробка туринских иголок, пузырек

¹ Гавоты — жители области Овернь. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.)

красителя марены и шило, чтоб было чем заняться зимой. Вечером, когда в сводчатом зале собрались сборщики винограда, молодой любезно предложил им чепцы из толстой некрашеной шерсти. Он и правда продал несколько штук, а двум уроженцам Триньяка уступил по ситцевому мешочку, наполненному семенами лаванды. Такие мешочки кладут в постельное белье для приятного запаха; их же обычно дают невесте в приданое. Еще он не отказался от стакана ратафии. После ужина, пока остальные продолжали болтать, отец с сыном удалились спать. В камине и печке негромко, с хрипами, как дыхание больного бронхитом, потрескивали дрова.

Мужчины, не обменявшись ни словом, легли на грубые простыни. Молодой долго ворочался на набитом сеном матрасе, чувствуя ступнями тепло от положенного в ноги нагретого кирпича.

— Странная парочка, — пробормотала себе под нос пышногрудая усатая матрона.

Оба ее гостя за все время не сказали друг другу и десятка слов. Молодой, уставившись на котелок в очаге, колол грецкие орехи и хрустел ядрами, пережегая их с кусками хлеба. Время от времени он бросал на отца беглый взгляд. Старик сидел и молча смотрел в окно.

В том, что касалось людских характеров, мамаша Перменжа не знала себе равных; она понимала окружающих лучше, чем кюре, нотариус или костоправ. Ноздри чуть заметно дрогнули, словно помогая ей принюхаться, и она уже вынесла вердикт и готова была держать пари: эти двое в смертельной ссоре.

Когда они вышли на крыльцо, утренний сумрак немного рассеялся. Под стенами монастыря Святого Жеро д'Орийака ветер носил сухие клубки глициний и гнал их по истоптанной земле к домам гугенотов. Вокруг не было ни души. Торговцы двинулись по главной улице, тихой, если не считать приглушенных звуков, доносившихся из подвала булочника. Они коротко глянули на возвышающийся на юге скальный выступ Рошкурб, серо-белый, плоский и треугольный, обозначающий начало Альпийской горной цепи, уходящей на восток кантона. По мере того как вставало солнце, скала все заметнее окрашивалась розовым. Сразу за мостом Риусе, коротко кивнув начальнику конно-полицейской стражи, который как раз чистил свою лошадь, мужчины вышли к виноградникам, перерезанным Королевской дорогой, ведущей к коммунам Ауст, Крест и Роман. Их башмаки из толстой кожи, подбитые коваными гвоздями, с металлическими набойками на подошве, звонко стучали по булыжной мостовой. День обещал странникам быть ясным, а сборщикам винограда — теплым. Капризный местный ветер — солор — задувал слегка, нежный, как сок первого отжима, шуршал по круглой черепице крыш и согревал спины сборщиков.

— А вот и ласточки! — воскликнула одна из женщин.

Ласточками здесь называли бродячих торговцев, поскольку их появление знаменовало, подобно миграции птиц, приход зимы. Сборщицы поднимали головы, следя за двумя фигурами не то великанов, не то людоедов, которые шагали по дороге. Даже если Жозеф и Пьер догадывались, что своим видом вызывают опасливое недоумение, их это мало заботило; они

упорно продолжали свой путь — сын впереди, отец сзади. Сдвинув шляпы на затылок, они шли, постукивая палками и изредка обгоняя торговцев кожей, которые верхом на мулах ехали в Лион пополнить к зиме запасы провизии.

В полутора часах ходьбы от Сайана им предстояло разделиться. Отец должен был повернуть на юг и через каньон Лозен направиться к Пюи-Сен-Мартену, Монтелимару и Воклюзу; что до Пьера, то он рассчитывал через Тен-л'Эрмитаж на севере добраться по берегу Роны до Лиона. Там он наберет дешевого товара и попытает счастья в Маконе, Бургундии и даже на рынках Морвана. Прежде чем проститься, мужчины решили перекусить и близ деревни Мирабель-ле-Блакон достали из сумки свои припасы.

Они устроились прямо на земле, опершись спиной о туки с товаром, и, вооружившись ножами, принялись за трапезу. Вскоре они простятся: один уйдет на юг, а другой — в Крест, над которым возвышается башня, похожая на сахарную голову.

С болезненным, но и довольным выдохом они сбросили свой груз в заросли дрока. Жозеф сел на корточки, Пьер напротив него — по-турецки. Все так же не говоря ни слова, они принялись за колбасу и савойский сыр. Первым молчание нарушил Жозеф, отрезая кусок ситного хлеба. Он знал, что ссоры не избежать.

— Вот что, парень, на ближайшей развилке мы расходимся.

По его тону Пьер догадался, что последует дальше. Он незаметно стиснул пальцы на коробке козьего сыра и перестал жевать. Опустив голову, он изучал взглядом травинку у своих ног.

— Посмотри на меня, Пьер, — сухо приказал старик. — Эти месяцы ты будешь один, и я надеюсь, что ты поведешь себя правильно. Дразги нам ни к чему. Знай одно: не пристало гавоту долины связываться с поджигателями волков¹ из Уазана. Ты понял меня, парень? Не хочу узнать, что к моему возвращению ты завел дружбу с этими разбойниками и ворами. Мне не нужен сын-мошенник.

Пьер и бровью не повел. Он успел наизусть выучить эту песню. Он знал, что старшие предки — деды, отцы, дядья — как чумы боялись выходцев из Уазана. Как будто между теми, кто населял горы на юге, и теми, кто жил на севере, велась непримиримая кровавая вражда, с годами превратившаяся чуть ли не в ритуал, строго соблюдаемый по обе стороны лесов, окаймлявших просторные долины. Два народа Альп, готовые до окончания веков биться насмерть. Обитатели Барселоннета — честные, уважающие себя и доверяющие друг другу, славные своими ремесленными изделиями — не позволяли себе ходить одними тропами с уроженцами Уазана. Этот наказ передавался от отца к сыну и надоел Пьеру до тошноты. Он заранее знал все, что скажет отец, но сам еще два сезона назад нарушил закон. В одной деревне близ Турню, известной своими плодородными землями, он на почтовой станции сговорился с Жаном Берар-Костом — торговцем из Уазана родом из коммуны Ла-Гард. Оба парня, разделенные навязанной им враждой, но объединенные молодостью,

¹ Прозвище жителей области Дофине, где была распространена практика поджигать лес, чтобы выманить из чащи волков, которых затем убивали.

понравились друг другу; один торговал галантереей, нитками и тесьмой; другой занимался надувательством покупателей. Нет, ничего серьезного — он вообще не был разбойником, к каковым его причисляли все, кто жил от Жозье до Барселоннета. Он предлагал клиентам лекарственные травы и снадобья. Его корзина, которую он носил на спине, представляла собой настоящий плетеный сундук, разделенный на отделения и ячейки, заполненные коробками. Стоило открыть крышку и выдвинуть очередной ящик, как обнаруживались тщательно разложенные пакетики с травами и лекарствами. Уроженцы Уазана издавна слыли травниками и даже лекарями. Они торговали луковицами тюльпанов, семенами растений и готовыми снадобьями. Язык у них был подвешен что надо; они болтали без умолку, сыпали латинскими названиями и охотно врачевали и людей, и домашнюю скотину. Берар-Кост по прозвищу Рыжий знал всего три деревенские болезни: жар с ознобом у мужчин, тревожность у женщин и глисты у детей. У него в корзине имелось все необходимое: горчичный порошок для компрессов и пластырей, алоэ, сурьма, можжевельное масло, карболовая кислота, глистогонное и слабительное, арника для лечения синяков и шишек, а также порошок фуксина, раствором которого девушки в праздники румянили себе щеки. В особом отделении хранились «швейцарский чай» от запоров, тимьян, семена аниса и сушеный фенхель для изготовления домашней настойки.

За то время, пока солнце совершало свой оборот вокруг земли, парни настолько сдружились, что стали торговать вместе, вдвоем обходя фермы, городские площади и отдаленные хутора.

Пока мачеха выбирала подушечку для булавок или лоскут льна, предлагаемые Пьером, ее юная подопечная вдыхала аромат ландыша из пузырька, протянутого Рыжим. Всего за несколько дней они нашли общий язык; ни тот ни другой никогда не лезли за словом в карман и так убалтывали покупателей, что их товар разлетался как горячие пирожки. Пьер даже освоил кое-что новенькое. Рано утром, прежде чем отправиться в деревню, он заказывал на постоялом дворе две порции настойки из виноградных выжимок, а на первой же ферме к потоку слов, слетавших с его губ так же легко, как порхают над цветами феи, добавлял пару-тройку каббалистических заклинаний. Оба компаньона никогда не забывали пропустить рюмочку — «для храбрости и чтобы развязать язык». Никаких сложных манипуляций, никакой хирургии — единственное, чему Жан обучил приятеля, так это выдергивать пеньки сломанных зубов. Сам Рыжий охотно демонстрировал всем желающим свои якобы подлинные дипломы — пергаменты, на которых восковой оттиск монеты в сто су был неотличим от печати настоящего аптекаря.

В том году Пьер завершил сезон с такой прибылью, что ахнули даже самые удачливые из гавотов. «Да уж, — шептались убеленные сединами старики, — этот парень далеко пойдет».

Второй сезон приятели решили начать с Вильфранш-сюр-Сона. В каждый городок Пьер заходил первым. В области Домб — краю прудов и туманов, где осень исполнена тайны, а люди доверчивы, он сбывал кожаные шнуры и отрезы кретона, попутно расспрашивая покупателей о здоровье. Чтобы доказать этим пожирателям лягушек, что они действительно

больны, ловкач использовал хитроумное приспособление — волшебный пузырек. Это был флакон, в который он наливал воду и эфир. Обе жидкости, имея разную плотность, не смешивались, и достаточно было стукнуть по пузырьку, чтобы по желанию вылить каплю одной или другой. Вода на руке пациента испарялась медленно, что, по словам Пьера, свидетельствовало о срочной надобности лечения. Зато эфир улетучивался мгновенно, подтверждая, что болезнь побеждена. Жан в это время промышлял в соседней деревушке, предлагая женщинам и девушкам надежное средство от нежелательной беременности, а потенциальным рекрутам — пастилки из гелиотропа как верный способ избежать призыва по жребию. Позже довольные компаньоны честно делили добычу. Спрос на их услуги рос, и они уже не успевали побывать везде, где их ждали.

В суровом краю Шароле, где корова ценится больше человека, приятели быстро обработали наивных скотоводов. Коварство горца против простодушного жителя равнин. Ранним утром, пока коровы находились в загоне, Пьер пробирался внутрь, с ловкостью козленка перепрыгивая через лепехи навоза, выбирал буренку с самым большим выменем, становился на четвереньки и всаживал животине в вымя колючку от боярышника. Вечером у загона появлялся Жан со своей медицинской корзиной. В обмен на пару-тройку франков он избавлял корову от колючки и, дожидаясь, пока спадет отек, угощался бургундским цвета крови, поднесенным не помнящим себя от счастья пастухом.

Приятели сделались неразлучны; вместе они обирали селян и вместе кутили на почтовых станциях —

парочка прожигателей жизни, не брезговавших ни жирной бресской курятиной, ни тонкими талиями местных пастушек.

Старик узнал о проделках сына, когда возвратился из собственного похода. Бродячие торговцы всегда всё знают друг о друге. Именно об этом Жозеф Арно говорил с Пьером, сидя в полдень возле зарослей дрока.

— Как ты мог предать заветы долины? — Он чеканил каждое слово. — Я не желаю, чтобы о моем роде, о моих близких судили по твоим делам. Я принял решение. До тех пор пока ты не вернешься на правильный путь, пока я не уверюсь, что твои помыслы чисты, я не возьму у тебя ни гроша. Оставь свои деньги себе, я в них не нуждаюсь. Лучше жить в нищете, чем оплачивать достаток бесчестьем. Нам не нужно богатство, полученное мошенничеством.

Пьер не проронил ни слова. В глубине сознания мелькнула мысль о земляках из Жозье и их немых упреках, о которых он догадывался все лето и пока шел сенокос. Но это его больше не задевало. Легко достававшиеся деньги занимали его меньше всего — главным было время, проведенное с Жаном Рыжим. Недели веселья, свободы, дружбы и — незнакомое прежде удовольствие — смелость не слушать занудных нравов учений отца. Нарушать правила — это ударило в голову сильнее вина. Пьер отдалялся от родни, от клана, он чувствовал себя скорее поджигателем волков, чем гавотом; дерзость, с какой он обходил конкурентов на дорогах Бургундии, радовала его сильнее, чем тяжесть монет в кармане. Он больше нигде — ни перед живыми изгородями ферм в Божоле, ни перед теплыми стойлами — не снимет свою шапку. Жан Берар-Кост

разделял с ним то же пьянящее чувство. Триумф уроженцев Альп над погрязшей в навозе деревенщиной.

Пьер поднялся и с вызовом уставился на отцовские усы.

— Хорошо. Я тоже принял решение, — нахально заявил он. — Если хотите меня прогнать — пожалуйста, но я все равно пойду своей дорогой. Это...

Жозеф не дал ему продолжить, резко замахнувшись. Все произошло очень быстро. Пьер инстинктивно поднял левую руку, защищая лицо, и его вдруг обожгло болью. По онемевшим пальцам струилась кровь. Он отвел взгляд от окровавленной ладони и в упор посмотрел на отца. Тот стоял, бессильно опустив руки; у его ног валялся нож. Повисло долгое молчание. Отец и сын пожирали глазами друг друга. Затем, не произнося ни слова, Пьер достал из своего сундука флакон лавандовой эссенции и комок ваты и обработал обильно кровоточащую рану. Старик не двигался, словно закаменел. Юноша кое-как перевязал руку носовым платком, все так же молча закинул за спину сундук, развернулся к выстроившимся в ряд ивам, перепрыгнул через канаву и зашагал по дороге на Крест.

2

Пьер прошел Крест одним махом. В нем кипел гнев, придавая сил. Пересекая Мельничную площадь, он не слышал ни трескотни женщин, ни ругани возчиков. Возле крепостной стены в прохладном воздухе носилась тончайшая мучная пыль, пшеничная и ржаная. Несмотря на усталость и тяжесть сундука за спиной,

парень решительно двигался вперед, прорезая собой пространство, насыщенное пылью, оседавшей на теле.

Отец не испортит ему сезон, твердил он про себя. За крепостным валом и башней дорога поворачивала направо и тянулась через яблоневые и персиковые сады. Рельеф местности сглаживался; на равнине вокруг Роны идти стало легче и сундук уже не так давил на плечи. Пьер замедлил шаг. Его злость улеглась, и сердцебиение вернулось к нормальному ритму, возможно потому, что расстояние до встречи с другом сокращалось. Боль в левой руке постепенно утихала.

15 октября 1816 года. Эта дата навсегда запечатлелась в его памяти. В тот день, три года назад, Жозеф ближе к вечеру сказал матери Пьера, Амели:

— Мели, приготовь Пьеру сумку. Пора ему братья-ся за дело.

Чувство, охватившее подростка при этих словах, не поддавалось описанию. Наконец-то он выберется из дома, откроет для себя новые земли, скрытые за горами. Он преодолеет горную цепь и высвободится из этой каменной ловушки. Посмотрит на равнину, познакомится с тамошними женщинами, своими глазами увидит, как течет Рона... Свою долину он успел узнать досконально: вокруг, куда ни кинь взгляд, тянутся высокие, не меньше шести тысяч футов, горы. И над всем этим возвышается пик Шамберон. Внизу раскинулись рощи каменных дубов, выше склоны поросли лиственными, еще выше протянулись луга и, наконец, на самой высоте — голая скала. Здесь ему было знакомо все — залежи мергеля, овраги и обрывы; с юга на восток ни один утес не хранил от него тайн, он изучил свой край не хуже, чем рисунок линий у себя на ладонях.

Он помнил наизусть каждый кружевной выступ — скругленный, неровный, изрезанный, словно обломанный, наклоненный под большим или меньшим углом... Горы, гребни, скаты и склоны сгрудились толпой великанов, так тесно прижатых друг к другу, что глаз с трудом находил хоть пол-арпана ровной площадки, куда можно без страха поставить ногу. Пугающее великолепие, словно явившееся напрямиком из хаоса. С какой печалью подростком он каждую весну смотрел на этот океан из камня, по которому под ярким солнцем как будто прокатывались зеркальные волны... Ниже виднелись редкие кусты самшита и колючие заросли ежевики. Козы, чудом удерживая равновесие на подрагивающих ногах, бесстрашно скакали над темной бездной, перебираясь с одного края обрыва на другой, и это голое пространство навевало еще большую тоску.

А что там, за горами? Какого цвета деревья, с которых на побережье собирают оливки? Пройдет немало зим, прежде чем Пьер это узнает.

Сезон снега и льда... Воспоминания увлекли парня еще дальше в прошлое. Отца вечно не было дома — он ходил с товаром между Венту и Арлем, а маленький Пьер проводил время в теплом стойле с матерью, Амели. Снаружи — ни листочка, ни травинки, ни птичьего щебета. Корявые скалы, отполированные льдом, гладко сверкали; ручьи замерзли и больше не журчали. Почти бесцветное солнце едва поднималось над долиной, утопавшей в тени гор, а по ночам, когда температура падала до минус восемнадцати, вставала луна, озаряя эту юдоль скорби своим мертвенным светом.

«В день зимнего солнцестояния, — рассказывал им кюре, — моей родне из Авиньона солнце светит восемь

часов в сутки, позволяя согреть руки-ноги. Здесь, в этом суровом краю, жители Жозье видят скудные лучи светила шесть часов в сутки, жители Мейрона — три часа, а жители Сен-Поля — всего два. Молитесь Господу и благодарите Его, мои голубки, ибо ваши ровесники из Меолана сорок два дня в году живут, вовсе не видя солнца...»

Пять месяцев среди снегов, в деревне, населенной только стариками, детворой и женщинами. Долина сирот, откуда все мужчины уходили торговать, чтобы заработать денег на целый год. Пять снежных месяцев, когда им, пленникам погоды, нечем было заняться. И все же у Пьера сохранились теплые воспоминания об этом времени. Зимой обитатели деревни ходили друг к другу в гости, пробираясь по узким тропкам между сугробами в два человеческих роста, чтобы вместе посидеть за разговорами у горячего очага. Каких только страшных историй он тогда не наслушался! Про Розину Одифред, колыбель которой упала в реку Юбай, когда раньше времени ударили ноябрьские морозы и земля стала скользкой. Когда ее нашли, ее тельце успело обратиться в ледышку. Еще рассказывали, как в Морене, что в верхней части долины, младенцев укладывают спать стоя в деревянных колодках, похожих на огромные сабо, чтобы сопли стекали у них вниз, а не замерзли в носу. Ах эти разговоры у очага! По ночам, наслушавшись историй Батиста, его деда со стороны отца, Пьер погружался в мечты о приключениях. Тепло закутанный, он сидел на полу у ног старика, покашливая от дыма — в печке потрескивали поленья лиственницы, — и с жадностью ловил каждое его слово о том, что тот видел и слышал, бродя с товаром дорогами Европы. Что

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ДЮГРАН Ален, ВАЛЕЙ Анн

САДЫ АЛАМЕДЫ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судаева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Силицына*
Корректоры *С. Луконина, М. Котова*
Верстка *В. Ермак*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.09.2026.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72.

Тираж 3000 экз. Т-НІВ-38385-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ОООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

